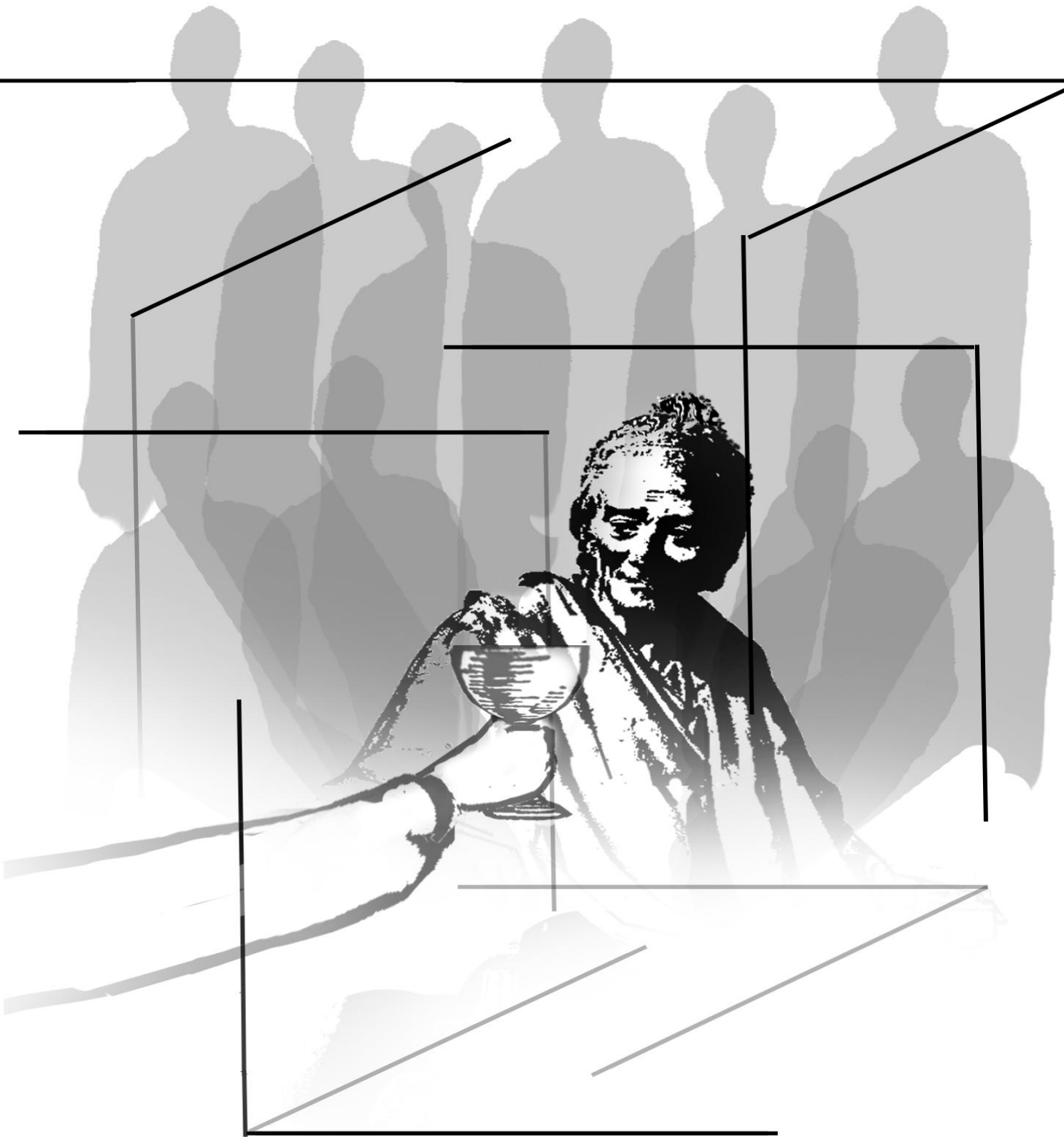

Kamma

Семен Грила

Камилла

В дверь постучали. Никто не ответил. Опять постучали. Дверь открылась, но стучавшего уже не было.

Наверное, он ушёл, подумала Камилла, а вслух заорала, что шляются тут некоторые. И хотела закрыть дверь. Но рядом с дверью стоял ящик. Она его узнала. Те ребята, которые были у неё недавно, говорили про него.

Это был ящик смерти — демонстрационная модель агрегатора смерти через знание: ты узнаёшь нечто, что именно тебя убивает, руинируя всю свою внутреннюю архитектуру жизни. Мозг перестаёт арбитраживать, и организм отключается. Это может длиться долго. А может и коротко.

Она очень хотела жить и смотрела на ящик как на возможность последнего познания. Она посмотрела на свои руки — холодные. Прозрачная кожа открывала сосуды и суставы.

Камилла любила смотреть на руки. Они многое ей объясняли в себе и в других.

Ей было 80, но она помнила всё. Ну, как всё — скорее, всё, что хотело её прихотливое подсознание в сочетании со способностью запоминать.

Нейроны — они же существовали задолго до нейросети. В те далёкие времена записывали в тетрадь. Она называлась дневник.

Или писали в блокнот. Он никак не назывался. Ещё существовала бумага для заметок. Эх, сколько ненужных вещей тогда были нужными! Щемит сердце от воспоминаний.

Поэтому она не вспоминала, она просто знала, что помнит. Ей этого достаточно. Так достаточно библиотекарю знать каталог, но не содержание книг. А каталог она знала.

Теперь всё по-другому. Ею пользуются те, кто не помнит не потому, что забыл, а потому, что не знал. А знать хотелось по той или иной жуткой необходимости. Тогда — к ней.

Она, правда, давно создала своё другое «я» — в виде ИИ-модели. Но это не меняло сути. Пока... Пока она жива. Не надо жеманства, ведь смерть — атрибут жизни. Без жизни смерть не существует, и понимание этого облегчает видение содержания переплетений.

Константы не сходятся, им этого не надо. Они просто отменяют одна другую по мере прохождения пор. «Пор» — это единственное число от «поры». Ну, когда говорят, типа, «в те поры», хотят быть художественно продвинутыми. Не быть, разумеется, — казаться. Кому теперь интересно быть? Все хотят казаться. Как казаться — хочется знать всем. Как быть — все знают сами.

Вот она про это.

Первый припадок случился с ней давно: она училась в универе тогда. Камилла шла по читальному залу, стремясь найти место поуютнее. Поуютнее в её понимании всегда было место в углу: за спиной никого, а ты видишь всех.

Она шла, незаметно поглядывая по сторонам. В какой-то момент — она не знает, в какой, до сих пор — на периферии зрения в левом глазу что-то мелькнуло. Как ей показалось, тёмное и длинное. В следующую секунду она захлебывалась слезами. Сидела на полу, сидела и плакала. Она не кричала, просто тихо плакала. Руки тряслись, и сердце билось часто. Она не знала, как оказалась на

полу и почему плакала. Окружившим её людям она сказала, что подвернула ногу и плакала от боли. Врачам потом объясняла, что ей стало очень грустно.

Потом это повторялось с ней без особой периодичности — примерно один-два раза в год.

Побольше бывайте на воздухе, это, очевидно, проблемы развития тела, сказали ей врачи, не найдя ничего в анализах и при осмотрах. Она так и делала.

Гнущееся дерево дольше живёт, сказала она себе и старалась одомашнить проблему. И со временем это ей удалось. Более того, появилась взаимосвязь между некими прозрениями памяти, связыванием несвязанных событий и очередным припадком.

Она стала ждать их и подгружать сознание потенциальными вопросами сложных задач. Иногда удавалось. Впрочем, далеко не всегда. Её второе «я», как она называла мелькание в левом глазу, не было волшебником, исполняющим желания, — скорее, было броском костей: а там хорошая цифра или плохая — сама думай.

И она думала. Малозначительные события становились значительными, меняя картину и превращая ракурс в панораму. Это было как фокус. Или событие. Или чудо.

Камилла не верила в религию как в мистику. Она считала настоящих верующих людьми, ухватившимися за возможность развернуться в сторону самопознания через ритуал и сдерживание себя по правилам. Такие как бы отягощения, которые позволяют не терять концентрацию. Тенеты — не как начало или конец, а как мотивация.

Жуть. Жуть началась в тот период, когда, помимо этого прочего, она стала хранилищем исторических драм и анекдотов. Многие она видела или слышала сама, на многое обращали внимание припадки, с чем-то приходили люди, которых было очень много в её жизни.

Однажды во время припадка к Камилле явился чёрт.

— Камилла, — сказал чёрт, — какого чёрта ты творишь?

— Вы о чём? — дрожащим голосом спросила Камилла.

— Я о случае с Киссинджером и китайцами.

— А что там такое?

— Ты зачем-то научила китайцев аналогиям, и они совершенно развалили американцев. Теперь они всегда думают, что победили, хотя давно всё проиграли.

— Они что — не знали аналогий?

— Конечно, нет. Они знали только цвета.

— Ну, я ни при чём, — сказала Камилла. — Я же не знала, что они не знают.

— Всё ты знала! — чёрт был какой-то седой, невысокий, коренастый, но улыбчивый.

— Ой, — сказала Камилла. Так она понимала кокетство.

— Будь осторожна, — сказал чёрт, не заметив уловки. — Не советую тебе повторять такие трюки опять.

Зашибись, решила Камилла.

Всё циклично, поняла она тогда после визита чёрта.

И вот она обнаружила себя в палате больницы. Всё как всегда, да не так, как обычно. Чёрта не было.

А потом Камилла стала взрослой, и ей стало глубоко безразлично мнение окружающих, включая чертей, о том, что и как она делает. Она хотела жить и жила как хотела. «Брависсимо», — всегда говорила она внутри себя о себе, когда была довольна собой.

Библиотека росла, и углублялось понимание того, чего она не могла знать, а постигла озарениями своей болезни. Врачи периодически стали вводить её в медикаментозную кому для сглаживания эффектов припадков. Следствием этих усилий стало то, что она прожила ещё несколько полноценных жизней, находясь в пограничном состоянии. Она была и жуком, и носорогом, а один раз — пушистой елью на Аляске.

Камилла в молодости была красавицей, а с возрастом стала умной. Генезис привёл к ослепительному эффекту синергии влияния этих данностей. Она разила наповал, и багаж её знаний рос — там были теперь и мемуары.

Как-то раз в одной аудитории её спросили, почему всё так печально на земле. Она задумалась и вдруг поняла, что знает ответ. Она сказала: «Всё так потому, что человеческий мозг — часть эволюционного процесса, а основа эволюции — перебор, бесконечный перебор вариантов».

Это было ещё до того, как она стала передвигаться на коляске. Она потеряла возможность передвигаться сама после аварии (она ненавидела слово «катастрофа»), которую ей устроил один из оставленных ею мужей.

Теперь она в коляске. Но где-то уже изготавливают экзоскелет, и она снова сможет ходить, когда его получит. Год-два, не больше.

После коляски она разговаривала с Иоанном Павлом Вторым, и он объяснил ей, что такое зло.

— Зло — это лень, — сказал он. — Мы ленимся и тем самым создаём зло. Мы ленимся, поэтому боимся. Мы боимся, поэтому не выступаем на стороне добра.

Он говорил рублеными фразами и выглядел как портрет. Камилла его боялась.

— Мир нестабилен, — он продолжал. — Человечество хочет мира, ибо боится, ибо лениво.

— Я не ленивая, — сказала Камилла. — И мы ещё поборемся.

— Ты дура, — сказал он. — Я ещё не закончил. Милосердие — вот ключ к решению всех проблем. Все должны сделать шаг назад. Даже рептилии. Тогда в образовавшийся зазор можно спрятать весь накопившийся мусор.

— Это круто, папа, — восхитилась Камилла.

— Я устал талдычить одно и то же. Мне жаль вас. Я не смог помочь, — он склонил голову над безжизненным телом.

— Не уходи! — закричала Камилла. Но эта жизнь закончилась.

Флуктуации продолжались, и Камиллу мотало из стороны в сторону. То она тут, то там. Переход ментальной границы стал всё больше неосязаем, и она путалась в бытии.

Как-то раз пришла к ней с визитом группа исследователей из одного известного университета. Они изучали ненасильственные способы продвижения экологической повестки.

— Экосистема гибнет, — сказали они.

— Это несомненно, — согласилась она.

— Что будем делать? — спросили они.

— Будем жить, — ответила она. — Жизнь ведь не знает, что она живёт. Она не знает ответов. Она просто продвигается туда, где есть возможность. Закрытые двери не означают крах. Они означают изменения повседневности. А это повод пошевеливаться.

— Какой план? — спросили они.

— Вот опять, — ворчала она. — Загрузите в компьютеры сценарии самые простые. Посмотрим, что дают нам нейросети, потом жёстко это отвергнем и начнём сочинять с помощью искусственного мозга

бесконечную поэму о странствиях духа в потустороннем мире в поисках разума. Понимаете, если дух будет искать разум, может получиться дорога спасения через перевоплощение.

Исследователи вежливо поблагодарили и ушли. Потом кто-то из них написал в соцсетях, что они посетили великую, а она оказалась сумасшедшей.

Она не обиделась, потому что не читала соцсетей. Она продолжала извиваться в своих фантастических возможностях, не находя им практического выхода. Она хотела помочь, но социум как будто был отгорожен от неё стеклом. Другая галактика. Но она не сдавалась. Пыжилась. Она была Камилла.

Пост. Она была на посту. Она считала, что мир — неустойчивая концепция раскрытия будущего через конфликтные состояния. Поэтому он так нестабилен. Но люди хотят мира, они любят мир. Они ленивы.

В который раз явились эти - те, кто оставил ящик. Теперь всё было иначе, не так, как раньше.

— Что вы мне принесли?

— Помоги.

— В чём?

— Мы не понимаем время.

— Никто не понимает время.

— Оно эластично?

— Возможно.

— Оно конечно?

— Конечно. В наших представлениях о нём. Ведь это мы его придумали.

— Концепция субъективна?

— Абсолютно.

— Нам нужны деньги?

— Всё всегда кончается деньгами.

— Даже экзистенциальные переходы?

— Они в особенности. Там, где что-то несуразное, значит, уже всё случилось.

— Мы ограничены в разговоре о стратегии.

— Выберите что-то неглавное и сделайте его главным в разговоре.

— Сместить акценты и создать ложную картину для движения не туда?

— Именно. Вы сможете говорить и при этом не будете вне рамок дозволенного. Но будете продолжать двигаться в нужном вам направлении.

— Придётся ждать удобного момента.

— Умение ждать — главное оружие в ваших руках.

— А когда придёт время?

— Вы узнаете.

— А что нам делать, когда всё будет в наших руках?

— Берите деньги и держите крепко.

— Что это значит?

— Назовите деньгами то, что у вас труднее всего отнять.

— Для чего?

— В этом случае вы всегда будете сверху. Этот мир стоит на деньгах, что бы ими ни называли — ресурсы, металлы, информацию, энергию.

— Копить воспроизводство?

— Ну вот вы всё и поняли, — сказала Камилла.

Ей протянули чашку.

— Что это?

— Выпей.

— Это казнь?

— Это исцеление. Ты же хотела узнать.